

«Русская мысль» — Париж —
1994 — 22-28 мая — 17

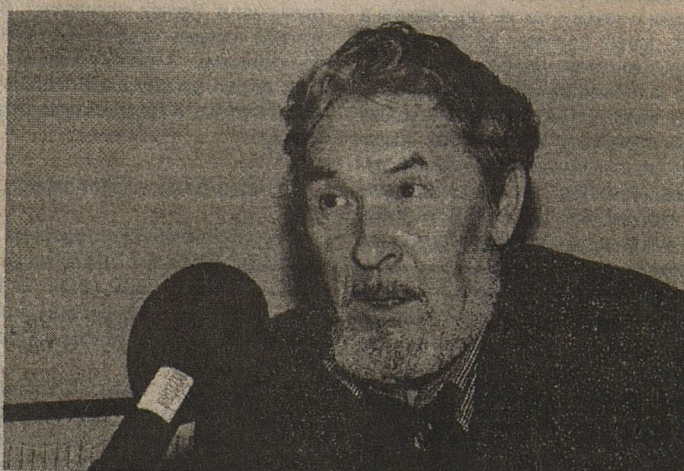
Белый квадрат Геннадия Айги

Лондонское издательство "Angel Books" выпустило в свет двуязычную книгу избранных стихов известного московского поэта Геннадия Айги. В связи с этим Айги приехал в Великобританию и вместе со своим переводчиком Питером Франсом представлял сборник британским любителям поэзии. Два выступления прошли в Шотландии, по одному — в Оксфорде и Киле, и три — в Лондоне. На презентации в Лондонском университете побывали Татьяна Костина и Юрий Колкер.

— Стихотворение называется "Спокойствие гласного". Состоит из одного гласного.

СПОКОЙСТВИЕ ГЛАСНОГО а

Беглый опрос после выступления показал, что не только мы не были готовы видеть в одиноком гласном (хотя бы и снабженном пояснительным названием) законченное произведение искусства. Шутка и эпатаж — закон-



Геннадий Айги в Лондоне. Фото Н.Ситникова.

В России имя Геннадия Айги на слуху вот уже четвертое десятилетие. Но в тесной аудитории главного здания Лондонского университета собрались преимущественно англоязычные слушатели, и переводчик (а тем самым и соавтор книги), профессор Питер Франс рассказал собравшимся о нелегкой судьбе Айги.

Будущий лауреат международных премий родился в 1934 году, в глухой чувашской деревне, писать начал в детстве и — по-чувашски, затем учился в Литературном институте в Москве, а с конца 1950-х (по совету Пастернака) стал писать по-русски. Примерно с этого времени у Айги начались неприятности с тогдашним советским начальством. Свободный стих известен в России вот уже более ста лет, ему отдали дань Фет и Блок, но советский Кремль видел в нем свободумыслие — и вот студент привилегированного учебного заведения неожиданно для себя оказался за бортом тогдашней жизни, бедствовал, работал где придется и в итоге угодил в диссиденты. Печатать его начали за границей, сначала в социалистических странах, а затем и на Западе, что и принесло ему признание. Сегодня Айги — один из самых известных русских поэтов. Отметив это, П.Франс, однако, не упомянул, что известность Айги — главным образом зарубежная, коренящаяся в западных академических кругах, тогда как в России его ценят гораздо меньше, а некоторые и вовсе отрицают.

Затем слово было предоставлено самому Геннадию Айги, и он пересказал свою биографию по-русски. Говорил он просто и убедительно, без хвастовства и аффектации, и — не только о себе. Собравшиеся услышали много интересного о происхождении и прошлом чувашского народа, о чувашской поэзии и чувашских поэтах, о дружбе Айги с Борисом Пастернаком, Константином Богатыревым (поэтом и переводчиком, убитым в 1976 году при до сих пор не выясненных обстоятельствах) и иностранными славистами. Было видно, что слушатели, в том числе и те, для кого русский язык — не родной, подпали под обаяние личности Айги. Судьбы московской литературы последних десятилетий предстали перед нами с той живостью, которую можно получить только из первых рук: из рук участника и очевидца.

Но это и была самая интересная и содержательная часть выступления. Когда очередь дошла до стихов, мы услышали, среди прочего:

ные художественные приемы, при иных обстоятельствах они более чем уместны, но все же настоящее искусство никогда не сводится к ним и не исчерпывается ими.

Все это относится и к поэтическому манифесту Айги:

ОБРАЗ — В ПРАЗДНИК В день столетия К.С. Малевича

со знанием белого
вдали человек
по белому снегу
будто с невидимым знаменем

26 февраля 1978

Мы, разумеется, вспомним "Красный квадрат" и "Черный квадрат" Малевича — и согласимся, что там, где такие полотна признаются искусством, отыщется место и для этого катрена Айги, не лишённого некоторой поэтичности. Но отметим мы и другое: затраты душевной энергии (количественно и качественно) здесь едва ли многим больше, чем у Малевича, замазавшего однотонной краской четырехугольник холста. Мастерство оба обнаружили равновеликое. Одинаков и смысл произведений: он — чисто назывной, декларативный. На невидимом знамени начертано: "Я — посвященный!"

Впрочем, квадраты Малевича — робкие полумеры. В них еще чувствуется вопрос: "Неужто проглотят?" Завершил эту линию в искусстве французский художник Ив Клейн. Незадолго до смерти этот авангардист пережил так называемый "пневматический период" творчества. В 1958 году, на вернисаже в Париже, он выставил перед изумленными посетителями "нематериальные живописные состояния": голые стены, — и продавал свою "пневматику" за слитки золота. Так авангард разделался с живописью. Теперь, похоже, очередь за поэзией.

Какую бы философскую базу ни подвели под творчество Айги западные слависты, а необходимо признать, что искусство слова в нем отвергается. Следующий шаг в этом направлении — полный отказ от слов, за их ненужностью. Мы будем молча и сообща переживать "Бога в святых мечтах земли" — в присутствии человека, считающегося поэтом. Промежуточным этапом будет, возможно, "спокойствие гласных".

ЮРИЙ КОЛКЕР
ТАТЬЯНА КОСТИНА

Лондон